

СПРАШИВАЕМ — ОТВЕЧАЮТ...

Михаил ЦАРЕВ:

ЛЮБОВЬ К РОДНОМУ СЛОВУ

НА ДНЯХ Герою Социалистического Труда, народному артисту Советского Союза, лауреату Государственных премий СССР Михаилу Ивановичу Цареву исполнилось 75 лет. Дни прославленного мастера советского театра уплотнены до предела, и возможность давно назначенной встречи открылась лишь накануне юбилея.

Беседа началась с воспоминаний о далеком времени детства и юности будущего артиста.

— Тяга к актерской профессии с гимназических лет была у меня связана с большой любовью к книгам. Очень рано страсть к чтению перешла в желание заучивать наизусть и декламировать отрывки из прозаических произведений и особенно любимые стихи. Это давалось мне без усилий, так как я с детства обладал хорошей памятью. Обстоятельства жизни сложились так, что увлечение не угасло, а постепенно росло и крепло.

В первом классе ревельской гимназии, когда мне было неполных восемь лет, нам задали выучить известный отрывок из стихотворения Некрасова — «Однажды, в студеную зимнюю пору...». Когда я начал читать, наш учитель внимательно посмотрел на меня. «Когда ты произнесешь слова «Гляжу, поднимается медленно в гору...», — сказал он, — то остановись, погляди в окно и не продолжай, пока не увидишь перед собой того, о чем говоришь». Я был удивлен таким предложением, но сделал так, как велел учитель. Каково же было мое изумление, когда он поставил мне пять с плюсом! Такие оценки были редкостью. Много позже, будучи молодым актером, я припомнил эти слова и понял, что тогда получил первый урок по системе Станиславского.

Михаил Иванович улыбнулся. Он сидел, откинувшись в кресле и скрестив руки на груди, напоминая в этот момент Мочалова на известном старинном портрете.

— В старших классах, — продолжал Царев, — мы часто разыгрывали на занятиях сцены из драматических произведений. Разумеется, я весьма активно участвовал в этих опытах. Ведь еще за несколько лет до этого в дневнике «Товарищ» рядом с вопросом «Кем ты хочешь стать?» я написал — «драматическим актером». У многих из нас были такие записные книжки. Помню, я еще записал в «Товарище», что хочу совершить кругосветное путешествие...

Что ж, детские мечты сбылись. Михаил Иванович Царев представлял советское искусство во многих странах мира и, являясь президентом Советского национального центра Международного института театра, много лет выступает как полномочный посол социалистической культуры.

— Первый раз я испытал некое подобие актерского успеха в пятом классе. Урок русского языка был целиком посвящен чтению наизусть. Я выбрал не красовское «Размышления у парадного подъезда» и когда закончил, учитель подождал меня к себе, обнял, поцеловал в лоб, и я заметил слезы у него на глазах. Не думаю, конечно, что мое исполнение так поразило его. Скорее всего, сами стихи, как-то совпавшие с настроением, возмужали старого педагога. Тогда же я получил вторую и последнюю в своей жизни пятерку с плюсом.

Во время первой мировой войны, когда немцы наступали на Ревель (ныне Таллин), нас эвакуировали под Петроград, в Царское Село. Наша гимназия, а после революции — I-я советская школа располагалась в

конце Екатерининского парка. Каждый день я проходил мимо дачи Китаевой, где часто гостил Пушкин, останавливался у входа в Лицей. И снова поэзия переплеталась в сознании с неотступными мыслями о сцене. Любди, окружавшие меня, помогли укрепиться этим стремлениям. Как-то в трудном и голодном 1919 году учитель пригласил меня домой и дал послушать граммофонные записи Качалова и Шаляпина. Впечатление осталось громадное, памятное до сих пор.

Молодой Царев приобрел известность прежде всего как актер классического репертуара. Русская и зарубежная классика нашла в нем прекрасного интерпретатора. На классическом материале возникли многие творческие достижения Царева — Чацкий, а затем и Фамусов в «Горе от ума» А. Грибоедова, лермонтовский Арбенин и Федя Протасов из «Живого трупа» Л. Толстого, персонажи из пьес Островского и Шекспира, Гольдони и Шиллера, в том числе Веррина в новой постановке «Заговора Фиеско» в Генуе.

— Приверженность к классике, — рассказывает Михаил Иванович, — существовавшая у меня с юности, была в особенности развита во время учебы в Петроградской школе русской драмы, где моим руководителем был выдающийся актер романтического направления Ю. М. Юрьев, впоследствии народный артист СССР. Постоянное общение с ним, работа над такими образами, как Ипполит из трагедии Еврипида или Фердинанд в «Коварстве и любви», необыкновенно способствовали воспитанию вкуса к настоящей литературе. И первые шаги на профессиональной сцене помогли мне утвердиться в мысли, что основой большого театрального искусства может служить лишь высокохудожественная, идейно наполненная, богатая по мысли литература. В то время советская драматургия находилась в стадии зарождения, и понятно, что одна лишь классика была призвана удовлетворить потребности как мастеров сцены, так и нового, демократического зрителя.

Еще будучи студентом, я начал работать в Петроградском Большом драматическом театре. Известно, что он был создан по инициативе А. М. Горького, М. Ф. Андреевой и А. А. Блока, которые оказывали непосредственное влияние на репертурную политику одного из первых советских театров. Блоку принадлежала роль заведующего литературной частью, если пользоваться современной терминологией. Несколько раз мне посчастливилось встретиться с ним. Молодежь того времени — а я не составлял исключения — находилась под сильным воздействием его стихов и самой личности поэта. Нас привлекали его ощущение революции, гражданственность позиции, стремление поставить свой талант на службу народу. Такое отношение к Блоку сохранилось у меня по сей день.

Поступив в БДТ, я с головой окунулся в мир высокого искусства, где горжестовал прекрасный, равноправный союз литературы и театра. Позднее, решив связать судьбу с Малым театром, я хорошо знал, что его славу во все времена составляли вместе с творчеством великих артистов имена Пушкина и Грибоедова, Лермонтова и Гоголя, а позднее — Островского, Толстого, Тургенева. Я называю сейчас русских писателей, так как хочу подчеркнуть, что важной особенностью стиля Малого театра всегда была исключительная любовь именно к родному слову, умение чувствовать его

красоту. Не ради одной только красочности языка, но для того, чтобы выразить во всей полноте мысль звучащего слова. Это стремление издавна отличало художественный метод Малого театра. По мере сил мы преследуем такую цель и теперь.

Я люблю вслух, для себя, читать хорошую русскую прозу, например сочинения Гоголя. С радостью, наслаждением воспринимаю ее неповторимый ритм, слушаю музыку, льющуюся со страниц. Приятно, когда выпадает случай поделиться такой радостью и со слушателями. Так, сравнительно недавно с удовольствием принял предложение почитать на радио главы из «Войны и мира», и повести «Отец Сергий».

Царев — великолепный чтец. Он выступает на концертной эстраде, по телевидению и радио. Нередко читает прозу, но главным образом — стихи. В его программах — произведения Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Есенина, Блока... Большой знаток поэзии, он хранит в памяти громадное количество стихов и часто приводит в разговоре знакомые и незнакомые строки.

— Между чтением «для себя» и «для других» есть известная разница, — продолжает Михаил Иванович. — Дело не в выборе репертуара. Каждое нравящееся мне стихотворение я мог бы в принципе вынести к слушателям. Допустим, почитать произведения современных наших поэтов. Но для того чтобы как следует подготовить новую программу, требуется очень много труда, а значит, и времени. Эта проблема порой бывает просто неразрешима. Занятость мешает обратиться ко многим интересным, заманчивым делам, скажем, к работе в кинематографе...

В самом деле, круг забот Царева грандиозен. Директор и председатель художественного совета Малого театра, председатель правления ВТС, профессор театральной училища имени М. С. Щепкина. Мы уже упоминали о его международной деятельности. И кроме того, артист Царев играет центральные роли в ряде спектаклей Малого театра, а сейчас почти ежедневно режиссирует в новой постановке «Короля Лира».

— За свою жизнь я сыграл несколько шекспировских ролей — от Лазаря в «Гамлете» до Макбета, показанного лет двадцать назад. Но почему-то никогда не думал, что доведется встретиться с Лиром. Видел в этой роли многих известных актеров, но, как ни странно, и образ, и сама пьеса меня не затрагивали так глубоко, как другие шекспировские трагедии. Впрочем, это дело сугубо личное. Но совсем по-другому начинаешь относиться к пьесе, рассматривая ее как бы «изнутри». Работа крайне сложная, волнений очень много, и еще рано говорить о том, что получается. Да и потом — судить не мне. Хотел бы только сказать, что сейчас опять убеждаюсь в неисчерпаемости классики. Не думаю, что все равноценно в классическом наследии и что любая классическая пьеса имеет значение для какого-то конкретного времени. Но каждое поколение открывает в ней нечто новое, дорогое для себя и волнующее. «Гамлет» представляется мне пьесой «на все времена», а вот шекспировская же трагедия «Тимон Афинский» кажется не представляющей теперь особого интереса. А такая пьеса Островского, как «Красавец-мужчина», прохладно встреченная современниками, драматурга, ныне опять обретает жизненную силу. Таких примеров можно привести множество.

Сколько бы мы ни играли классику, на этом пути нам уже

не суждено стать первооткрывателями в буквальном смысле. А современная, новая пьеса дает возможность для художественного открытия, если, конечно, перед нами серьезное произведение искусства. Характер творческого откровения носят лучшие образцы советской драматургии, пьесы К. Тренева, Н. Погодина, Б. Ромашова, Б. Лавренева, В. Вишневского, А. Афиногенова, А. Корнейчука, Л. Леонова и других любимых авторов Малого театра. Думаю, можно провести параллель между ними и теми классиками драматургии, которые ставились на нашей сцене. Их творчество связывает обостренное чувство времени, верность пониманию социальных проблем и, что очень существенно, самобытная яркость языка — в самом широком смысле слова. Такие качества пьесы — необходимое условие для того, чтобы театр мог с честью выполнять свою ответственную и почетную задачу.

По поводу сегодняшнего состояния драматургии скажу лишь следующее. Знакомясь с новыми пьесами и вспоминая историю нашей театральной литературы, я прихожу к мнению, что развитие драматургии происходит не совсем равномерно, не по непрерывной линии, а как бы наподобие пунктира. Другими словами, оно не всегда бывает адекватно общественному развитию. Может быть, здесь кроется причина возросшего интереса театров, в том числе и Малого, к инсценированию современной прозы.

Царев уже поглядывал на часы, но мне хотелось задать ему еще один вопрос. В обширном списке его актерских работ есть роли самых различных, порой противоположных жанров. Успех сопутствовал Цареву в романтической трагедии, психологической бытовой драме и при исполнении острохарактерных ролей, таких, как Воняк из «Оптимистической трагедии» В. Вишневского и Старик из одноименной горьковской пьесы. Какой же драматический жанр наиболее близок артисту?

— Не стану кривить душой, говоря об особом пристрастии к какому-то определенному жанру. Правда, в юности, мечтая о будущей профессии, испытывал желание играть характерные и комедийные роли. И даже на вступительных экзаменах в театральный школу читал монолог Горюхиного из «Ревизора». Однако судьба повернулась так, что в течение долгого времени приходилось выступать в ролях совершенно иного плана, причем они доставляли мне немалое удовлетворение. А затем, постепенно, появились и такие роли, о которых я думал прежде, хотя, скажем, сыграть в любимых мною гоголевских пьесах так и не довелось. Должен сказать, что меня всегда радует разнообразие, несхожесть драматургического материала. Актер вообще должен пробовать себя в пьесах любого жанра, в исполнении любых ролей. Надо учиться чувствовать стилистику авторов каждой эпохи — от античности до наших дней. Конечно, не всякая роль принесет успех — это зависит от психологических данных актера и масштаба его дарования. Могут произойти досадные несоответствия индивидуальности артиста с характером образа. Но все-таки стоит непрестанно искать нечто новое, непривычное для себя. И никогда не бояться риска!

Беседу вел
Андрей ВОЛЧАНСКИЙ

На снимке М. И. ЦАРЕВ в зале Малого театра во время репетиции.

Фото И. ЕФИМОВА